

ЦИКЛ
Степана Кулика

НОВИК

Сабля, трубка, конь казацкий

Новик, невольник, казак

Степан Кулик

НОВИК

НОВИК,
НЕВОЛЬНИК, КАЗАК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К90

«Ведунская серия»

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К90 Кулик, Степан

Новик: Новик, невольник, казак: роман / Степан Кулик. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-101715-6

Деяния полководцев запечатлены на батальных полотнах художников в назидание потомкам и в память о былой славе и величии. Но никто не знает, сколько не менее ожесточенных сражений происходило, прежде чем на ратном поле сходились полки и армии. Только потому, что эти подвиги совершались обычными людьми. Зачем скачет на Сечь Олеся, зная, что женщинам вход туда запрещен под страхом смертной казни?.. Что и куда везет разбойничий байдак атамана Ворона? Как Петру отличить друга от врага, если утром он речной тать, в обед — казак, а вечером — ушлый контрабандист? Поможет или помешает новым товарищам наш современник, когда придет его время выбирать, на чьей стороне сражаться?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101715-6

© Степан Кулик, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

А. Блок

Часть первая
DENTE LUPUS,
CORNU TAURUS PETIT...¹

Глава первая

Поисковая группа вернулась к кострам примерно через час... Не вся. Уходили вчетвером. Вернулось трое. Ворон был как сам не свой. Метался по берегу и время от времени потрясал кулаками, выкрикивая проклятья. В чей именно адрес, я не расслышал. Вроде и близко байдак стоял, а все же шорох и плеск течения заглушали часть слов. Да и ветерок опять задул. Дополняя шелест листьев к общему шуму.

— А где Лютый? — неосторожно поинтересовался кто-то из тех, что не принимали участия в погоне.

— Там же, где и Татарчук... — не сдерживаясь, рявкнул на него атаман. — Учишь вас, дурней, учишь — да все без толку! Говорил же: держаться вместе! Нет — слышалось ему что-то, решил взглянуть. Даже не предупредил. А шел позади всех. Пока слышали хрип, пока прибежали на место, Лютый уже и ногами не сучил. И это не зверь напал. Свернул казаку голову, как куренку. А когда от того места дальше по следам прошли —

¹ Волк клыками, бык рогами... (лат.).

то и Татарчук нашелся. И тоже — мордой к спине. Не знаю, кто это — но силой его черти не обошли. Чтоб ему на том свете в казане кипеть!

— Он что, один там? — судя по голосу, спросил Хрипун.

— Не знаю... — атаман слегка успокоился и отвечал уже без лишней злости, более рассудительно. — Может, и несколько. Но пока мы видели следы только одного человека. Убейволк подтвердит.

Упомянутый им следопыт, одетый в безрукавку из волчьего меха на голое тело, лишь кивнул.

— И что? — Хрипун вопросительно развел руками, потом выразительно схватился за саблю. — Мы простим этому куску дерьма жизни двух наших товарищей? Утремся и поплывем дальше? Будто ничего не произошло? Радуюсь, что прибиток делить будем на пару частей меньше? Так?

Одноглазый атаман шагнул к чересчур говорливому разбойнику, сграбастал за грудки, подтянул к себе и, заглядывая в лицо, прорычал:

— Что-то ты слишком громко каркаешь! Не забыл, кто из нас Ворон?! Или хочешь не только охрипнуть, но и замолчать навек?

Однако разбойник не испугался.

— Ворон здесь один — наш атаман! Но если атаману наплевать на своих товарищей... То как бы ему одному летать не пришлось.

— Угрожаешь?! — окончательно свирепея, взревел одноглазый. — Ты?! Мне?! Да я...

— Уменьшишь ватагу еще на одного? — неожиданно вступился за хрипуна Пешта. — Что с тобой, атаман? Если б я не знал тебя столько лет, подумал бы, что ты... испугался.

Ворон тут же забыл о Хрипуне, схватился за саблю и прыгнул ко второму разбойнику. Но, видимо, к этому времени здравый рассудок сумел победить ярость, и атаман лишь толкнул Пешту плечом. Но так, что тот плюхнулся на задницу.

— Я тоже не первый год тебя знаю, — проворчал почти дружелюбно. — Поэтому — живи пока. Но если еще хоть раз откроешь пасть...

Атаман не закончил. Вместо этого посмотрел на алые, будто обильно политые кровью, заросли вишняка, вытер ладонью потный лоб и продолжил:

— Черт! Если б я сам, своей рукой, не всадил в него пулю...

— О ком ты все время толкуешь, Ворон? — стоящий прямо надо мною кормчий тоже присоединился к разговору. — Мы его знаем?

Я молчал, но слушал в оба уха, еще и рот раззявив. Кто бы ни зачищал банду речных пиратов, для меня он уже был лучшим другом. Жаль, помочь не могу. Во всяком случае, сейчас. А там, как говорил слепой старик на смертном одре: «Поживем — увидим».

Глупая шутка. Тьфу три раза... Это всё от нервов. Понос мыслей.

— О побратиме своем, чтоб его черти в аду мордовали, — ответил Типуну атаман. — О ком же еще?

— Этого не может быть! — хлопнул по фальшборту кормчий. — Мы же все видели, как ты стрелял, а он упал в реку. Без притворства. Замертво... Забудь.

— Плохо ты его знаешь, — не дал разубедить себя Ворон. — Это такая шельма, что и из ада выбраться может. Черт! Поторопился. Надо было ближе подпустить, да в упор садануть. А еще лучше — голову отрубить, колом проткнуть, а после — тело сжечь и пепел развеять. Ну, ничего. Даст бог, встретимся и в третий раз. И тогда я уже не оплошаю.

«Ого! Атаман пиратский никак про оборотня говорит? Тогда я поторопился его себе в друзья записывать. Нафиг, нафиг... С такими друзьями и врагов не надо. Это только в дамских книгах да девичьих грезах благородные кровососы водятся. Возвышенные и душевно мечущиеся... или метающиеся?»

Ворон тем временем принял окончательное решение. Повернулся в сторону зарослей, приложил ладони рупором и крикнул:

— Василий! Это ты, сучий выродок?! Отзовись, паскуда!

Какое-то время вишневая роща молчала, а после откуда-то из глубины зарослей долетел ответ:

— Я... Иуда... я... Молись... На этот раз живым не уйдешь... Будет и у чертей праздник!

Голос звучал так, словно прямо по земле стелился. Шипя и извиваясь, как гадюка. А если учесть, что на берегу к этому времени уже изрядно потемнело, а солнце подсвечивало вишняк, превращая его в один кровавый разлив, то неудивительно, что разбойники произвольно попятились к реке. Некоторые даже в воду забрели. Поскольку многие верили, что нечисть не может переходить через бегущую воду. При этом напере-

бой осеняя себя крестным знамением. Прямо монашеский орден или группа паломников, а не разбойничья ватага.

— Свят, свят, свят... — забормотал и кормчий. — Пресвятая Богородица, спаси и помилуй... Неужто Полупуд из мертвых встал?.. Или у Старухи коса притупилась? Типун мне на язык.

«Чего?! Я не ослышался? Он сказал — Полупуд?.. Он в самом деле сказал — Полупуд?! Мама дорогая! Василий жив?! Блин... Но каким чудом? Я же сам видел... Стоп. А что именно я видел? Как запорожец после выстрела за борт упал? Так “после” не значит “вследствие”! Ура! Теперь я точно не пропаду. Василий пришел за мной! Вот это друг, я понимаю! Сам погибай, а товарища выручай! Настоящий побратим!.. Побратим?..»

Тут меня что-то словно под ребро кольнуло и защемило под сердцем.

«Ворон ведь тоже о побратиме говорил. Выходит, они с Полупудом когда-то братались, а теперь — смертельными врагами стали? Ну и что? В жизни разное случается... Отец на сына, дочь на мать руку поднимает... Так чего с выводами спешить? В свое время Василий, если захочет, сам объяснит. Сейчас главное — держаться начеку и быть ко всему готовым. Вряд ли запорожец решил в одиночку всю ватагу разбойничью порешить. Хотя с него станется. Придумает какую-то хитрость. А мне ее надо вовремя распознать и действовать соответственно!»

Пока я радовался и предавался мечтам, любовно оглаживая через штанину и голенище укра-

денный кинжал, на берегу произошли изменения. В отличие от всех, Ворон будто даже повеселел. Во всяком случае, держался одноглазый атаман гораздо увереннее и спокойнее, чем несколькими минутами раньше. Он даже нагнулся и неторопливо подбросил хворост в костер.

Потом снова поглядел на заросли.

— И как же тебе удалось обмануть чертей, Василий? Что они согласились выпустить тебя из пекла?

Ворон больше не кричал. Говорил ровно. Даже до меня не каждое слово долетало. Но Полупуд слышал. И ответил. Тоже обычным голосом. Без змеино-го шипения.

— А я пообещал им взамен другую душу прислать... Куда чернее собственной... Как смола.

— Всего лишь? — рассмеялся одноглазый. — Так выходи. Пора нам и в самом деле закончить эту давнюю историю. Хоть на ножах, хоть на саблях... Обещаю, между нами никто не встрянет. А ты знаешь, Василий, мое слово верное.

— Знаю... — после непродолжительной паузы ответили заросли. — Как только земля носит такого выродка? Не расступится под ногами.

— Может, потому что я теперь больше челном... — опять рассмеялся Ворон. — И батька Славута на меня не гневится. Уж кто-кто, а он столько сгубил, в шторма да на порогах, что мне за три жизни не управиться. Ватага тоже подобралась не хуже атамана... Типуна помнишь? Здравия тебе он не желает, сам понимаешь... А вот гостинец, при случае, мог бы передать...

Атаман с Полупудом продолжали попрекать один другого, не упоминая ничего конкретного, зато рядом со мною готовилась подлость.

— Гостинец, значит... — пробормотал кормчий. — Как скажешь, атаман. Можно и гостинец... Галушка свинцовая сгодится? Чтоб ему подавиться, типун мне на язык...

Кормчий опустил на одно колено и принялся заряжать мушкет, продолжая бормотать при этом:

— Ты мне только под выстрел его подставь... я уж не промахнусь, будь спокоен... В третий раз не уйдет.

Тем временем Ворон с Полупудом вроде договорились. Все разбойники отошли к одному краю опушки, подкинув сперва побольше дров в костры, а одноглазый атаман — сместился в другую сторону. Так что между ними оставалось шагов сорок свободного пространства. Ворон даже руками развел, как бы говоря Полупуду, гляди — остались только мы с тобой.

Очень благородно и похоже на правду, если б не пришвартованный у берега байдак. А вот от него до линии костров напрямую было не больше двадцати метров. И кормчий Типун, положив ствол на фальшборт, только ждал, когда увидит цель. Промахнуться с такого расстояния почти невозможно. Особенно картечью.

— Ну, где же ты? — бормотал разбойник, нетерпеливо поглаживая приклад мушкета. — Выходи.

И, словно услышав его просьбу, усыпанные вишнями ветки раздвинулись, выпуская из зарослей крепкую, мощную фигуру.

* * *

Сомнений не осталось — это действительно был Василий Полупуд, товарищ Минского куреня войска Низового Запорожского. Живой и целехонький, насколько я мог судить на расстоянии. Как ему это удалось, непонятно. Но тем не менее — факт в натуральную величину.

— Обниматься, как я понимаю, не будем... — насмешливо произнес Ворон. — Хоть и долго не виделись, да как по мне — и век бы не видать.

— Я тоже тебя не искал. Считал мертвым... — ответил Василий, обнажая саблю. — А коль свидетелись, значит, так угодно Господу. Видать, и впрямь пора... Заждались тебя на том свете, иуда.

— Многих я в землю уложил, — атаман разбойников тоже вынул оружие. — Уж и счет потерял. Может, с сотню, а может, и больше. Но, веришь, никого с такой радостью не убивал, как сделаю это сейчас.

Полупуд в словесную перепалку вступать не стал, а лишь взмахнул клинком крест-накрест, чтобы приноровиться к весу чужой сабли, и двинулся вперед.

Ворон тоже не мешкал. Яростно зарывчав, он бросился на противника, с ходу нанося целую серию ударов. Клинки ударились с сухим стуком раз, второй, третий... После чего атаман отпрыгнул и посмотрел на левое плечо. Чуть выше локтя на рубахе появилась темная полоса.

— Вот как... Вижу, ты времени зря не терял...

— Это да. А вот ты, я вижу, былую сноровку утратил. Ну, оно и понятно — с басурманами воевать, не беззащитных купцов да переселенцев гра-

бить. Твои жертвы, небось, больше о пощаде молили, чем за оружие брались.

Ворон смолчал, но когда снова бросился вперед, сабля замелькала с удвоенной быстротой. И столь неудержимый натиск таки достиг успеха. Когда бойцы разошлись в очередной раз, похожая полоса темнеющей от крови ткани перечертила рубаху на груди Полупуда.

— А теперь что скажешь? — хвастливо заметил Ворон.

— И на старуху бывает проруха... — пожал плечами запорожец. — Считаю, размялись. Теперь можно и всерьез поработать.

Полупуд снова взмахнул клинком крестнакрест, видимо, чужая сабля все же чем-то ему не нравилась. Может, баланс плохой или рукоять не так лежит, но ничего не поделать — другого оружия нет. Потом слегка присел и так, на полусогнутых ногах, словно пританцовывая, засеменял к противнику.

Тот тоже подобрался и впервые за все время не атаковал, а принял защитную стойку.

— Х-ха!

Клинки застучали так часто, словно барабан дробь отбивал. Почти сливаясь в один непрерывный звук. И когда наступила тишина, то стало слышно хриплое дыхание, а Ворон пятился, держа саблю опущенной вниз. При этом левая рука висела плетью.

— Молись, если хочешь... — запорожец тоже дышал тяжело, но голос его при этом звучал даже слегка торжественно. Не торжествуя, не злобно, как можно было ожидать, а именно так —